

В КЛАССИКУ входишь, как в реку. Вода смыкается над головой, и вновь с удивлением замечаешь, что природа твоя способна измениться, что ты дышишь, да, дышишь под водой, вновь живешь в этой странной стране, в которой мы тоже любим, терпим, изнемогаем, но как-то иначе, чем в жизни; и ощущаешь ее законы как непреложные.

А там все то же. Князь Андрей решает, что жизнь не кончена в тридцать один год, а потом умирает от ран, и Наташа, в который раз, выходит замуж за Пьера. И другой князь, в сером плаще и штиблетишках, сходит на перрон мрачного города, а потом он сойдет с ума, как умрет, обязательно умрет, гордый и одинокий князь Андрей. Лиза затворится в монастыре, Анна бросится под поезд, и вечно будет счастлива со своей Машенькой добрый Гринев. Но в одну реку нельзя войти дважды, и потому каждый раз все происходит по-разному. Смешное представляется печальным, трижды перечитываешь главу, которую раньше пролистывал, и пейзаж, скучный на детский взгляд, вдруг делает зрение произвольным, и видишь, как живых, тех людей, вернее, того человека, единственного человека, который все это и выдумал...

Мысль об авторе приходит, как правило, позже мыслей о героях. Вот уже и школьная премудрость — где родился, с кем дружил, куда ссылали, куда сам ездил — вылетит из головы, как вдруг однажды за книгой встанет его образ, и сюжет его жизни, его драмы и встречи, и даже женские головки на полях рукописи покажутся интересней любого романа. И срочно требуется узнать, какого числа, какого года и месяца стоял Достоевский на Семеновском плацу, выслушивая смертный приговор, и какая в тот день была в Петербурге погода.

СОБСТВЕННО, о Достоевском и речь. В серии ЖЗЛ вышла новая книга о жизни писателя (Ю. Селез-

нев, «Достоевский». Москва, «Молодая гвардия», 1981 г.). Это книга именно о Достоевском, не о творчестве или мировоззрении, а о человеке, который жил, работал, пытался, как все люди, быть счастливым. Перед нами, однако, не «все люди», а Достоевский, писатель со всемирной славой, которого читают не из академического интереса, а со страстью, словно он за-

всеми бессрочного солдата и несчастного мужа. И неудачливого издателя, и вечного должника. И романиста, чья звезда светилась не так уж ярко, и какого-то странного гражданина, не желавшего примыкать ни к правым, ни левым, а желавшего непременно всемирного братства...

Конечно, и современники читли Достоевского. Анна Григорьевна Сниткина видела

ков крался на четвертый этаж к старухе-процентщице, и на мгновение чудится ему, что это он сам идет по лестнице... Слушая такие признания, нельзя не радоваться за силу художественного слова. Но так читать Достоевского, романтически вживаясь в его героев и не помня, не зная, не понимая в этот момент автора, может быть, даже неправильно.

только что утверждал, что ненавидит князя. Но князь пропускает его ненавидя мимо ушей и видит одно — больного, над которым смеются и которому никто не протягивает руки. Князь всегда и во всем следует внутреннему чувству (потому и «идиот») и эту светлую часть души видит и пробует разбудить в других. И идеями своими, о братстве, о миссии русского народа, он живет всерьез, всерьез и взаправду.

Здесь мы и любим Мышкина на сходстве с писателем. Идеалом Достоевского был человек свободный, свободно отдавший себя служению всем. И идеал свой Достоевский защищал ревностно и последовательно. Он сам как человек всерьез жил теми идеями, о которых писал как художник.

Даже верная Анна Григорьевна не очень-то понимала, зачем тащить бремя долгов умершего брата, поддерживать бесчисленных родственников... Поступков странных, никак не вытекающих из личных интересов, было в жизни Достоевского немало. Читатель, открывший книгу Юрия Селезнева, непременно на них натолкнется. И пусть тогда вспомни, что перед ним не литературный герой, не литературное благородство, а сложный, но цельный и поразительный человек.

ЭТО был человек, проживший в девятнадцатом веке одну из труднейших судеб, бывший столько раз у края бездны, у последней черты, сам всю жизнь за черту переходящий, что и на десять жизней бы хватило, но словно для того только и страдавший, чтобы все больше укреплялся надеждой и здоровать духовно. Непонятный и осмеянный, он и не думал озлобляться, все верил в высшее предназначение человека и ощущал себя ни больше ни меньше — братом всех людей...

Такого Достоевского увидел его новый биограф и сделал нашим собеседником.

Т. ШОХИНА.

ТВОЯ КНИЖНАЯ ПОЛКА

АВТОР И ГЕРОИ

дал свои вопросы и задался своими мечтами сегодня.

Что Достоевский был человеком сложным и противоречивым, что он без конца в чем-то ошибался и чего-то недопонимал, слышал, по крайней мере, каждый. А в каких только грехах не обвиняли его современники! Поговаривали, что Свидригайлова Федор Михайлович списал с самого себя, сравнивали его с Раскольниковым, со Ставрогигиным, с человеком из подполья. Искатели достоевщины в самом Достоевском, винили его в приверженности к темным сторонам жизни, в нездоровом интересе к ужасам и трагедиям бытия. Но шло время, интерес к «жестокостям таланта» не угасал, творчество художника переосмысливалось, и вместе с тем по-иному виделся человек и его судьба.

В этой книге из всех героев Достоевский более всего походит на князя Мышкина. И традиционные эпитеты — сложный, противоречивый, с этим Достоевским не вполне сочетаются. Скорее, он даже прост, потому что целен.

Возможно, это не тот человек, которого знали современники.

Но кого они знали? Чувствительного мальчика, нервного юношу, упавшего в обморок перед светской красавицей, модного литератора? А потом смертника на Семеновском плацу, узника, забытого

в нем нежного мужа и отца. Студенты писали ему восторженные письма. И два старинных врага, как известно, обнялись после его речи на Пушкинском празднике. И все-таки в своем времени он был достаточно одинок, голоса обвиняющие и насмешливые раздавались громче других, и легенда о тяжелом человеке, о жестоком таланте держалась стойко.

Биографу известен другой Достоевский, проживший после смерти еще сто лет. Мы смотрим на мальчика и знаем об эшафоте, видим Семёновский плац и помним о триумфе на Пушкинском празднике.

О Достоевском известно сейчас столько, что можно написать не одну толстую книгу. Но Юрий Селезнев не пересказывает нам всего, что знает. Он берет суть характера, суть творчества, суть судьбы. А не это ли и есть правда о человеке? Вернее, об авторе, вымыслившем целый мир, может быть, только для того, чтобы в другом человеке найти собеседника и друга. А какого еще высшего смысла искать в искусстве?

ДОСТОЕВСКОГО читают по-разному. Подчас слышишь, что им «заблевают», что он тяжел, что доводит до состояния, когда грань между вымыслом и реальностью стирается, и читатель не в силах противостоять чувству, с каким Родион Раскольников

Кем же был автор? Когда он задумал своего прекрасного героя — князя Льва Николаевича Мышкина, он не имел намерения нарисовать собственный портрет. Да и нам трудно сравнить гениального человека — духа, который не угасал, и головы, которая не клонилась, с тихим князем, которому сам Достоевский заведомо не оставил будущего. Но вот читаешь новую биографию писателя, и Мышкин приходит на ум неуклонно.

Тихий князь не может ничего спасти. Он не может ничего сделать. Он только говорит слова. И когда другие люди, вернее, герои заняты будничными делами, Мышкин кажется им смешным и простоватым, даром, что князь, а разговоры и идеи его слишком горячими для приличного общества. Ну кто же всерьез воспримет заявление, что «мир спасет красота»? Зато когда что-то случается и не остается ни выхода, ни надежды, за его слова, за сам факт его существования, оказывается, только и можно держаться.

Князь Мышкин держит себя так, словно знает нечто важное, важнее того, как и с кем мы живем, чем заняты и что имеем за свои труды. Он полагается на высший нравственный закон, и этот закон заставляет его протянуть руку вздорному мальчишке Ипполиту, который